

ПРОЛОГ

— Закройте, доченька, дверь, и сядем рядом. Вот так. Я вам расскажу одну историю. Вы уже подросли, теперь для нее самое время... С чего начать? Конечно же, с красивого юноши. Богатого, благородного, смелого... Высокого, разумеется. Лицо и стать оставляю на ваш вкус. Ведь он уже появился, не так ли? Не краснейте, мой птенчик! Мать такое всегда чувствует. И вот наш герой решил жениться. Но, чтобы не ошибиться в выборе подруги, придумал удивительное испытание. Все претендентки должны проспять ночь на постели из десяти сложенных друг на дружку тюфяков.

— Мама, я знаю эту сказку. Принц спрятал под самый нижний тюфяк горошину. А нежная девушка всю ночь не могла из-за нее глаз сомкнуть.

— Глупышка! Ничего-то вы не знаете. Неужели рассказы про горошину не кажутся вам невозможной нелепицей? И какую мораль извлечешь из подобного вздора? Почувствовать горошину через десяток тюфяков! Можно

подумать, хорошей жене следует быть хрупкой до крайности и от малейших неудобств лишаться чувств! Лучше послушайте меня, душа моя. В сказках крупница правды скрыта под горами благоглупостей. А вот как было на самом деле. Мне рассказала об этом моя матушка. Он был не принцем, а наследным лордом. С имением возле Гринхеда, милях в ста пятидесяти отсюда.

— А горошина?

— Далась вам эта горошина! Думаете, раньше и правда были кареты-тыквы да волшебные бобы? А детишек находили то в розах, то в капусте? Не понимаю страсти отгораживаться от жизни овощами! Милая моя, сказка про горошину — сучок для маленьких девочек. Истинная история лорда и претенденток, проводивших ночь в его доме, — не для детских ушей. В ней — правда о любви и о том, как проводят ночи юные девицы и что они делают в своей постели, — правда, которую мы узнаём, став взрослее. Вот об этом-то я и собираюсь вам рассказать. Так что слушайте меня внимательно и не перебивайте больше.

ДЛИННЫЕ ЯЗЫКИ

Миссис Уоткинс остановилась перед окном и со свойственной ей безапелляционностью вынесла три вердикта. Во-первых, вечером будет гроза. Во-вторых, тюльпаны в этом году взойдут поздно. В-третьих, очень скоро ей сообщат чрезвычайную новость.

В марте внезапные ливни случались в Гринхеде ежедневно. Тюльпаны в этом суровом краю всегда зацветали позже, чем на юге Англии. Что же до новости, то достаточно было взглянуть, с какой поспешностью преодолевает аллею соседка, миссис Баррет, чтобы заключить: это сведения чрезвычайной важности.

Почтенная миссис Баррет не торопилась никогда. Ее короткие ножки были приспособлены для скорости. Да и куда спешить в тихой глубинке, где никогда ничего не происходит? После новогоднего бала, который городские власти устроили в честь прихода 1813 года, весь Гринхед вот уже два месяца пребывал в тяжелом и унылом оцепенении.

И вот миссис Баррет бежала к крыльцу Уоткинсов.

Миссис Уоткинс одернула юбку, поправила прическу, распорядилась приготовить чай, села и сделала глубокий вдох. Когда дворецкий доложил о миссис Баррет, она встретила ее с самой светской непринужденностью.

— Линда! Какой приятный сюрприз! — сказала она, вдохнув в эти три слова и удивление, и воодушевление сразу.

— Моя дорогая! — проговорила в ответ миссис Баррет, ничего в слова не вдыхая, поскольку еще не перевела дух.

Миссис Уоткинс разлила чай, предложив гостье печенье и подобающий чаепитию непритязательный разговор. Она бы мигом разделалась с чаем и положенными к нему банальностями, но из приличия отпустила пару замечаний про сваренный кухаркой джем, про то, как камелии оживляют зимой клумбы, и про давно минувший новогодний бал.

Наконец миссис Баррет отодвинула чашку, вздохнула и, похоже, готова была раскрыть карты. Миссис Уоткинс подалась вперед. Она даже несколько напряглась, что было сродни подвигу при общей ее рыхлости. Начес из волос стремился опасть, губы обвисли, шея пошла складками, плечи покато опустились, живот расплывался — и лишь стальная воля миссис Уоткинс удерживала всю эту дряблую плоть вместе. Воля, направляемая единственной целью: удачно выдать замуж трех дочерей.

Кудри миссис Баррет подрагивали под чепцом — так не терпелось ей поделиться новостью.

— Печенье изумительное, — заметила она. — Передайте кухарке мои комплименты.

Миссис Уоткинс, сидевшая как на углях, поблагодарила.

— Ах да, я чуть не забыла! Вы ведь, конечно, слышали новость? — прибавила миссис Баррет.

Миссис Уоткинс нетерпеливо покачала головой. Даже дворецкий, стоявший в углу гостиной, повернулся к господам ухом.

— Неужели? Так вы правда ничего не знаете?

Еще миг, и миссис Уоткинс взорвется. На ее счастье, миссис Баррет не могла больше удерживать рвущееся из нее невероятное откровение.

— Ходят слухи, сын лорда Хендерсона ищет невесту! — выпалила она.

— Что-что?

Миссис Уоткинс чуть не выронила чашку. Новость была из тех, что переворачивают весь привычный мир, и она еще раз и еще раз повторила «что-что?» под удовлетворенным взглядом миссис Баррет.

— Мне казалось, замок Бленкинсоп заброшен! — выговорила она наконец. — Владения вокруг него в запустении! Сын? Да-да, у него действительно был сын! Сколько же лет прошло... Я думала, он уехал в Лондон, к своему двоюродному деду... Или в колонии... разве кто его вспомнит? Как давно это было!

Речь миссис Уоткинс утратила должную стройность. Миссис Баррет, пережив схожее потрясение несколькими минутами ранее, энергично соглашалась.

— Замок Бленкинсоп! Я не была там с самой их свадьбы... — продолжала миссис Уоткинс. — Вы ведь помните?

— Помилуйте, дорогая! Как такое забыть?

Свадьба праздновалась четверть века тому назад. Герцог Хендерсон женился на леди Статтер. Он — наследник древнего рода, а она, сиротка, — с баснословным состоянием. Торжество прошло с невиданным блеском. Чета обосновалась в замке Бленкинсоп, и в обширных владениях герцога, простирающихся до самого леса, забурлила жизнь: балы сменялись фейерверками, театральные представления — охотой, чайные вечеринки — конными и лодочными прогулками.

Но, увы, счастье длилось недолго. Юная супруга почила через три-четыре года после рождения сына. Герцог перестал принимать. Затем вдруг стало известно о его кончине, и ворота замка Бленкинсоп закрылись навсегда.

Долгие годы несчастье Хендерсонов служило темой для разговоров. Все сожалели о развлечениях, ушедших вместе с ними. С наслаждением предавались сочувствию молодым супругам, которым уготовано было столько счастья, сетовали на жестокость судьбы. Любили потолковать и о ребенке — сироте, которого никто никогда не видел, наследнике, перенесшем столь роковой удар.

Но время шло, и Хендерсоны исчезли из разговоров. Салонные беседы потребовали новых блюд. Минули годы. Пастбища, фермы и мельницы пришли в запустение. Парк вокруг усадьбы так зарос ежевикой, что даже браконьеры перестали ходить через него в Большой лес. Герцогские владения защищали теперь непролазные заросли. И вот, неожиданно-негаданно, по эту сторону их стен, прогремела

весть о чуде. И не о спящей красавице со всей ее челядью, а о богатом женихе, что гораздо лучше.

Миссис Уоткинс прикинула, что ему должно быть не больше двадцати. Наверняка красавец и ладно сложен. А если нет — что за беда, коль скоро он наследник состояния, величину которого она боялась себе даже представить! И он — здесь, совсем рядом, в считанных милях от ее усадьбы! Миссис Уоткинс дрожала от возбуждения.

— Говорят, юный лорд Хендерсон получает больше восьмидесяти тысяч фунтов стерлингов ренты, — проговорила миссис Баррет на одном дыхании: столь неслыханной была эта сумма.

И миссис Уоткинс опрокинула чашку.

* * *

У Уоткинсов не было недостатка в прислуге. И потому любая новость за считанные секунды облетала весь дом. Миссис Баррет только звонила в дверь, а в кухне уже шептались, что госпожа интересуется новым женихом. Чай еще не был разлит по чашкам, а все слуги уже знали его имя.

Садима, горничная дочерей Уоткинс, побежала сообщить им новость.

— Он богат? — спросила старшая.

— Он красив? — спросила средняя.

— Добрый ли он? — спросила младшая.

Ответ был известен лишь на первый вопрос, но после него два других отпадали сами собой. С доходом в восемьдесят тысяч фунтов лорд Хендерсон мог позволить себе быть

косматым горбуном в прыщах с головы до пяток, дурно пахнуть и мучить котят: все равно все девушки Гринхеда мечтали бы выйти за него замуж.

Дочерей четы Уоткинс звали Маргарет, Мэри и Мэй. Отдадим должное непоколебимой последовательности их матери, которая, родись у нее сыновья, назвала бы их Джонатан, Джон и Джо. Но Богу было угодно подарить ей трех дочерей. После рождения третьей она сообщила мужу, что детей у нее больше не будет. Если бы родилась четвертая, то из верности принципам ее пришлось бы назвать Мэ или М', а это уж никуда не годится.

На сообщение о доходах молодого лорда юные леди Уоткинс откликнулись каждая по-своему: Маргарет упала в обморок, Мэри бросило в смертельный жар, едва ее не погубивший, а Мэй прижала руку к груди, чтобы сдержать биение взволнованного сердца.

Все три девушки из благородного английского семейства были необыкновенно нежными созданиями. Миссис Уоткинс могла гордиться своими хрупкими творениями с легкими светлыми волосами и тонкой костью, экономно прикрытой плотью. Она следила за узостью их талий и приучила говорить тихими голосками, будто с трудом протиснувшимися наружу. Девушки сродни поклаже: чем меньше занимают места, тем проще их пристроить.

Маргарет, будучи старшей сестрой, делала все от нее зависящее, чтобы как можно скорее выйти замуж. Она сидела только на подушках, носила самые дорогие материи — иных ее чувствительная кожа не терпела. Вино пила из хрусталя,

а чай — из тончайшего фарфора, рискуя порезать им нежные губы. При этом тверда была, как скала.

Мэри, средняя сестра, усердно соблюдала те же заповеди. Она верила, что наделена актерским талантом, и охотно лишалась чувств от красоты видов. Однако в возбуждении могла порой взбежать по лестнице, а проголодавшись — с аппетитом наброситься на еду.

Мэй, младшая, была в самом деле слабого здоровья. В детстве часто болела, так что, можно сказать, росла больше в детской, а не в саду. Она стала робкой девушкой, но с теми, кому удавалось ее приручить, вела себя мило и не без кокетства кошечки, любящей лакомства.

Старшие сестры завидовали ее прозрачной коже, на которой от малейшего давления оставался след. А запястье! Оно было до того тонким, что Маргарет могла обхватить его двумя пальцами. И тогда забавы ради она сжимала его сильнее, проверяя, выдержит ли хрупкая кость ее хватку. Мэй, по своей доброте и мягкости, не противилась.

Что ни день сестры Уоткинс соревновались по части недомоганий: то у одной начнется мигрень, то другую измучает слишком яркий солнечный свет. Стоило младшей уколоться булавкой, как весь дом сотрясался от страданий. Садима бежала на помощь в любое время дня и ночи — с нюхательной солью, платками и мятым ликером.

Тем временем миссис Уоткинс в гостиной наконец пришла в себя. Восемьдесят тысяч фунтов стерлингов!

Мистер Уоткинс, глава семейства, знал толк в делах. Маргарет принесет в будущую семью более чем солидное

приданое: земли, весьма недурную ренту и даже небольшую плантацию в Индии. Так что родители могли позволить себе отказаться от женихов с доходом ниже десяти тысяч фунтов. Миссис Уоткинс часто мечтала выдать свою старшую за мужчину тысяч в двадцать. Однако подобной партии в их окружении ни разу не появлялось. И потому объявившийся по соседству холостяк с восьмьюдесятью тысячами фунтов стерлингов дохода был воистину чудесным открытием.

У миссис Баррет, соседки, была всего одна дочь на выданье. Звали ее Виолеттой, и приданое у нее было еще завиднее, чем у сестер Уоткинс. К счастью, у нее один глаз был меньше другого. Так что миссис Уоткинс даже не стала волноваться и, не сочтя ее конкуренткой, принялась расставлять фигуры, продумывая, как бы одной из ее дочерей выиграть главную партию десятилетия.

КОСТЬ В ГОРЛЕ

Последующие недели прошли в ожидании, когда же таинственный лорд Хендерсон наконец объявится. Все ждали письма с приглашением. Отправляясь в город, матери с дочерьми украдкой поглядывали по сторонам, ища среди примелькавшихся фигур местных обитателей незнакомца.

Ожидание не было праздным. Девушки трудились над прическами, измеряли талии, экзаменовали гардероб, полировали манеры. Мистер и миссис Уоткинс долго обсуждали, стоит ли выводить в свет Мэй, их младшую. Ей только исполнилось семнадцать, и в обществе она еще не появлялась. Слишком была юна. А главное, старшие сестры еще не замужем. Девушек вводили в игру в порядке старшинства. Так было выгоднее всего. Если выложить карты на стол разом, выставив напоказ все свое потомство, женихи будут смотреть лишь на самых свеженьких и на старшую никогда не найдешь желающих.

Однако на этот раз ставка была так высока, что миссис Уоткинс считала нужным увеличить шансы. Так что Мэй волей-неволей предстояло выйти в свет. А значит, ее нужно было срочно приготовить: промыть мозги, нашпиговать, обезжирить, сформовать, подзолотить, приправить, украсить и подать в лучшем виде. Мать сбивалась с ног, не щадя себя. Старшие сестры душили в себе ревность: берегли цвет лица.

Все готовились, а лорд по-прежнему сидел в своей норе.

Тогда терпению миссис Уоткинс пришел конец и она пригласила миссис Баррет с дочерью на чай, надеясь вывести какие-нибудь новости. А если не выведать, то хотя бы убедиться, что у юной Виолетты глаза по-прежнему не на месте. Ей нужно было как-то себя подбодрить.

Барреты пришли в назначенный час. Чай подавали в будуаре, без церемоний: они знали друг друга с детства.

Сразу же осведомляться о партии в восемьдесят тысяч фунтов было неловко. Поэтому миссис Уоткинс пришлось сперва похвалить брошь Виолетты, потом похвалиться, как славно Мэй вышивает крестиком, — словом, побродить окольными тропами праздной беседы.

Наконец, искусно вывернув разговор, миссис Уоткинс удалось упомянуть замок Бленкинсоп.

Виолетта неловко звякнула чашкой о блюдец. Рука ее задрожала. Миссис Уоткинс заметила, что миссис Баррет вся покраснела, брови ее сдвинулись, грудь затрепетала от сдерживаемого гнева.

— Не говорите мне больше о лорде Хендерсоне... Боже! Я никогда не представлю ему свою дочь! — воскликнула она.

— Но, Линда, отчего же?

— Поверьте, дорогая... Вы должны пообещать мне, что ваши дочери никогда не приблизятся к замку Бленкинсоп. Ох, знали бы вы, что рассказывают!.. А рассказывают... рассказывают...

Миссис Баррет подыскивала слова, уместные в присутствии четырех невинных девиц на выданье. Она наклонилась к миссис Уоткинс и прошептала:

— Меня ввели в заблуждение. Да, лорд Хендерсон действительно сообщил, что ищет супругу. И принимает юных претенденток у себя. Но... но...

Миссис Баррет не хватало воздуха. Она продолжила еще тише:

— Он требует, чтобы они являлись без родителей и без компаньенок, под вечер, и... чтобы проводили ночь в его замке!

Возглас негодования вырвался разом из уст всех присутствующих. Миссис Уоткинс прижала ладонь к губам, глаза у нее округлились от ужаса. Маргарет приготовилась падать в обморок. Миссис Баррет, сбросив томивший ее груз, не удержалась и прибавила:

— Знали бы вы, какие ходят о нем слухи! Ох, и пересказать не могу, сами понимаете.

И поверх целомудренных светловолосых головок она послала миссис Уоткинс многозначительный взгляд, давая понять размах приписываемых юному лорду извращений.